

УДК 811.161.1'271

Двуязычие и фонетическая интерференция в публичной речи билингвов

Новикова Л.П.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Статья посвящена актуальной для Беларуси проблеме фонетической интерференции в условиях близкородственного двуязычия. Материалом исследования послужили записи ста фрагментов интервью с жителями города Витебска, имеющими высшее образование.

К фонетической интерференции в русской публичной речи билингвов приводят некоторые расхождения на фонологических уровнях контактирующих русского и белорусского языков. В статье выделяются наиболее распространенные виды данной интерференции, объясняются причины, вызывающие их. В ходе исследования у 33% респондентов выявлена фонетическая интерференция, наиболее часто встречающимся случаем которой названа субституция: подмена смычного согласного [r] фрикативным [ʏ].

Результаты исследования привлекают внимание к проблеме уровня речевой культуры двуязычных граждан Беларуси, а также позволяют утверждать, что публичная речь в условиях близкородственного двуязычия имеет свою специфику, то есть осложнена интерференцией.

Ключевые слова: двуязычие, билингв, фонетическая интерференция, устная публичная речь.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 217–223)

Bilingualism and phonetic interference in public speech of bilinguals

Novikova L.P.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

The article is devoted to the relevant for Belarus issue of phonetic interference in the environment of close family bilingualism. As the material for investigation one hundred fragments of interviews with habitants of Vitebsk with higher education were used. Some differences on the phonological level between Russian and Belarusian languages which are in contact lead to phonetic interference in the Russian public speech of bilinguals. In the article the most wide-spread variants of this interference are singled out and the reasons which cause them are explained. In the course of the investigation it has been identified that 33% of respondents have phonetic interference. Substitution was called the most wide-spread case of it: the replacement of conclusive consonant [r] with fricative [ʏ].

The findings of the study draw attention to the issue of the level of speech culture of bilingual Belarusians and make it possible to state that public speech in the environment of close family bilingualism has its particularity which is interference.

Key words: bilingualism, bilingual, phonetic interference, oral public speech.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 217–223)

Адрес для корреспонденции: e-mail: lidaapril29@mail.ru – Л.П. Новикова

Научное исследование проблем двуязычия началось в конце XIX века.

В начале XX столетия заметно возрастание интереса к проблемам двуязычия, что связано не только с развитием лингвистики, но и с успехами смежных наук: социологии, психологии, этнографии. Как отмечает А.Е. Карлинский в монографии «Основы теории взаимодействия языков», «двуязычие выдвинулось на первый план в период конкурентной борьбы наций» [1, с. 5]. В настоящее время двуязычие относится к числу важнейших социолингвистических проблем.

Проблеме двуязычия и взаимодействия языков посвящены работы У. Вайнрайха, Э. Хаугена, В.Ю. Розенцвейга, Ю.А. Жлуктенко, В.А. Аврорина, Ю.Д. Дешериева, А.Е. Карлинского, Л.П. Крысина и других известных лингвистов. В Беларуси разработка данной проблемы, а также исследование особенностей русско-белорусского билингвизма и интерференции связаны с именами таких ученых, как П.П. Шуба, А.А. Гируцкий, А.А. Лукашанец, Л.Г. Мощенская, Л.П. Кунцевич, Л.А. Мельникова, Л.Н. Чумак и др.

У. Вайнрайх, заложивший основы современной теории взаимодействия языков, в книге «Языковые контакты», вышедшей в 1953 году, определяет двуязычие как «практику попеременного пользования двумя языками», а лиц, «ее осуществляющих», двуязычными [2, с. 22]. Аналогичное определение двуязычию (билингвизму) дает В.Ю. Розенцвейг: «владение двумя языками и попеременное их использование в зависимости от условий речевого общения», следовательно «носители двуязычия» – это «двуязычные индивиды (билингвы)» [3, с. 4].

Выделяют четыре основных аспекта изучения двуязычия: 1) собственно лингвистический; 2) социологический; 3) психологический; 4) педагогический [4, с. 28]. При изучении особенностей публичной речи билингвов наибольший интерес представляют собственно лингвистический и социологический аспекты. В лингвистическом аспекте осуществ-

ляется анализ соотношения структур и структурных элементов двух языков, их взаимовлияния, взаимодействия и взаимопроникновения на разных уровнях языка. Важным является исследование особенностей проявления интерференции в области фонетики, фонологии, синтаксиса, лексико-семантической системы и стилистики в процессе применения обоих языков. В социологическом аспекте двуязычие исследуется «в плане выявления того минимума знаний по обоим языкам, которые позволяют их носителям производить акт взаимопонимаемого общения», а также определяется объем «общественных функций и сфер применения каждого из двух языков, которыми пользуется двуязычное население» [4, с. 33].

В научной литературе, посвященной проблеме билингвизма, наряду с вопросом, кто является билингвом, поднимается вопрос о том, какова должна быть степень владения вторым языком, чтобы можно было говорить о билингвизме. В.Ю. Розенцвейг отмечает: «Двуязычие рассматривается нами как континуум, простирающийся от весьма элементарного знания контактного языка до полного и свободного владения им» [3, с. 4].

Некоторые ученые считают, что билингвизм – это приблизительно равное владение двумя языками. Например, В.А. Аврорин при решении данного вопроса за основу принимает соотношение со степенью знания родного языка и утверждает, что «двуязычием следует признать примерно одинаково активное владение двумя языками» [5, с. 51].

Ю.Д. Дешериев и И.Ф. Протченко предлагают два различных определения двуязычия, исходя из двух аспектов его изучения (собственно лингвистического и социологического) [4].

Проанализировав разные точки зрения по данному вопросу, А.Е. Карлинский предлагает следующее определение понятия «билингв»: «человек, который, используя в своей речевой деятельности два языка, способен породить и понимать новые высказывания на Я² в устной и / или письменной форме без учета их

языковой правильности и сложности» [1, с. 58]. В нашей работе будем придерживаться данного понимания этого термина.

Известно, что «параллельное функционирование в одном обществе двух языков» приводит к «активному взаимодействию систем контактирующих языков», результатом которого становится интерференция, «т.е. проникновение элементов одного языка в речь на другом языке, приводящее к нарушению норм одного языка под влиянием другого» [6, с. 60]. Существенным фактором, влияющим на характер межъязыкового взаимодействия, является «генетическое соотношение контактирующих языков», так как замечено, что в случае их близкого родства «взаимная интерференция, проявляющаяся в речи говорящих, более интенсивна и глубока, нежели в случае генетической отдаленности языков» [7, с. 6].

Данная проблема является актуальной для Беларуси, так как подавляющее большинство ее населения в той или иной степени владеет двумя близкородственными языками – русским и белорусским.

Цель данного исследования – изучение особенностей функционирования русского литературного языка в двуязычной городской среде Беларуси. На данном этапе нашей задачей является выявление интерференции в русской устной публичной речи.

Материал и методы. Материалом исследования послужили сделанные нами записи фрагментов интервью с жителями города Витебска в региональных выпусках новостей (ТК «Скиф», «Беларусь 2»). Проанализированные нами сто фрагментов русской устной речи принадлежат лицам, имеющим высшее образование и занимающим различные должности в Вит-облисполкоме и Витгорисполкоме (29 человек), УВД (17 человек), МЧС (3 человека), военной сфере (3 человека), сфере образования и науки (17 человек), культуры (8 человек), здравоохранения (9 человек), физической культуры и

спорта (3 человека), торговли и услуг (8 человек) и производственной сфере (3 человека). Примерный возраст респондентов составляет 35–65 лет. Основным методом нашего исследования является метод анализа персонифицированных текстов.

Результаты и их обсуждение. Как известно, среди бывших советских республик лишь в Беларуси русский язык имеет статус государственного: в 1995 году вопрос о языках был вынесен на всенародный референдум. 83,3% принявших участие в голосовании высказались за придание русскому языку одинакового статуса с белорусским.

В работе «Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси» основным типом двуязычия названо белорусско-русское [7, с. 7]. Однако там же отмечается, что функции русского языка в стране значительно шире функций языка белорусского, в связи с чем «типичным является так называемое доминантное, или неравновесное, двуязычие» [7, с. 8].

Л.Н. Чумак говорит о русско-белорусском двуязычии: «Характер функционирования языка титульной нации в РБ носит миноритарный характер», а следовательно, «смену языковой ситуации в Беларуси к нач. XXI в. можно определить как переход от национально-русского, т.е. белорусско-русского, к русско-национальному, т.е. русско-белорусскому двуязычию» [8, с. 87].

Мы придерживаемся указанной выше точки зрения. В процессе сбора фактического материала нами был отмечен тот факт, что никто из ста респондентов не отвечал на белорусском языке. Возможно, это связано с тем, что корреспонденты всегда задавали вопросы на русском языке, однако отвечающие все же имели право использовать в ответе любой из двух государственных языков.

Вопрос о лингвистической сущности устной публичной речи (УПР) является одним из широко обсуждаемых в лингвистике. Понимая под УПР устную спонтанную монологическую речь публичного назначения и общественно зна-

чимой ориентации, О.А. Лаптева отмечает, что этот тип литературной речи представляет особый интерес для исследования по причине того, что в нем сохраняются особенности спонтанной устной и книжно-письменной речи. По ее мнению, основные характеристики УПР определяются ее устностью, что позволяет «объединить бытовую и публичную речь в пределах устно-разговорной разновидности современного русского литературного языка» [9, с. 33]. По мнению Е.А. Земской и Е.Н. Ширяева, литературная разговорная речь (РР) противопоставляется кодифицированному литературному языку (КЛЯ) «на основании трех экстралингвистических бинарных признаков: 1) неофициальность / официальность обстановки; 2) спонтанность / подготовленность коммуникативного акта; 3) непосредственное участие говорящих в коммуникации / отсутствие прямых контактов между говорящим и слушающим» [10, с. 61]. Полемицируя с представленной выше точкой зрения, они утверждают, что устная публичная речь строится на основе системы КЛЯ, а не РР, «хотя и допускает некоторые элементы РР» [10, с. 62].

Необходимо отметить, что для изучения устной публичной речи особый интерес представляет телевизионная речь, которая занимает значительное место в современном информационном пространстве. Нельзя не согласиться с утверждением, что «усиление влияния радио и телевидения как одних из основных средств массовой информации, несущих устную речь, в Беларуси требует более тщательного анализа ее реалий» [11, с. 148].

Собранный нами фактический материал показывает, что в условиях русско-белорусского двухязычия интерференция затрагивает практически все уровни языковой системы. Однако наиболее ярко представлена фонетическая интерференция, которая является результатом отождествления разных фонем контактирующих языков.

Известно, что одним из существенных последствий длительного двухязычия «является установление тесных связей

между обеими фонологическими системами», а также «между их отдельными элементами» [12, с. 85]. Так, Ю.А. Жлуктенко выделяет: 1) идентификацию дифференциальных признаков фонем; 2) идентификацию разноязычных фонем; 3) идентификацию, связанную с различием в дистрибуции фонем; 4) идентификацию на уровне фонологии слова; 5) идентификацию фонологических характеристик. Если двухязычный элемент отождествляет фонему вторичной системы с фонемой первичной и воспроизводит ее по фонетическим правилам первичного языка, возникает интерференция [2]. Таким образом, расхождения на фонологических уровнях контактирующих языков приводят к фонетической интерференции в речи.

Типичным случаем идентификации разноязычных фонем, а также наиболее частым типом фонетической интерференции является субституция, которая обусловлена наличием в обеих системах более или менее подобных фонем. Вследствие своей относительной «безнаказанности», сравнительной безвредности для взаимопонимания субституция широко практикуется двухязычными» [12]. Так, ярким ее примером в русской публичной речи жителей города Витебска является подмена смычного согласного [г] фрикативным [γ], что, естественно, объясняется влиянием белорусского языка. Например: [на́шъвъ у́суда́рствъ] (*нашего государства*); [н^ду] (*уранаграду*); [γъв^р^йт'] (*говорить*); [пóдв^и^и] (*подвиги*); [услу́^и] (*услуги*); [мно́^их] (*многих*) и т.д. По результатам нашего исследования данный случай фонетической интерференции является наиболее распространенным, встречается у 30 респондентов и составляет 30% от общего числа говорящих.

Распространены случаи фонетической интерференции в русской речи жителей города Витебска, связанные с субституцией согласных, различающихся в контактирующих языках по признаку твердости / мягкости. В публичной русской речи отсутствующие в белорусском языке фонемы /ч'/, /р'/ и долгий /ш'/ заменяются

соответствующими твердыми. Так, в проанализированных нами фрагментах русской речи у 10 говорящих, что составляет 10% от общего числа респондентов, функционирует твердый [ч]. Например: [чтут] (*чтут*); [н'ьслучайнъ] (*неслучайно*); [п'ьлучэн'ийь] (*получение*); [тыс'ьчы] (*тысячи*); [ф_том чысл'э] (*в том числе*) и т.д. Важным фактором, препятствующим расширению употребления в русской речи белорусов-билингвов [ч'], считают «маркированность мягкого согласного в фонологической системе языка», которому в белорусском языке соответствует беспризнаковый член оппозиции [6, с. 127].

Долгий [ш':] реализуется как долгий [ш:] в основном в речи тех же лиц, которые произносят твердый [ч] вместо русского [ч'], и встречается у 8 говорящих, что составляет 8% от общего числа респондентов. Например: [ош:ъйь д'эль] (*общее дело*); [апш:эств'ьный] (*общественный*); [вапш:э н^_в'йт'ьпш:ын'ь] (*вообще на Витебщине*); [иш:уш:ый рабóту] (*ищущий работу*) и т.д.

В отличие от белорусского языка, где /р/ не имеет мягкого соответствия, в русском языке существует противопоставление твердой и мягкой фонем /р/ и /р'/. Данный случай фонетической интерференции встречается реже (у 3 говорящих, что составляет 3% от общего числа респондентов), чем случаи, описанные выше, однако также наблюдается в русской публичной речи витебчан. Например: [трóх] (*трех*), [у'ьв^рыт'] (*говорить*), [с_ынв^ра] (*с января*).

Корреляция согласных по глухости / звонкости имеет, как известно, в русском и белорусском языках свои особенности, которые также могут стать причиной фонетической интерференции.

Так, в русском языке звонкий [в] чередуется с глухим [ф], а в белорусском – с [ў], в результате чего на конце слова и перед глухими согласными встречаются случаи произношения в русской речи жителей города Витебска специфического белорусского звука [ў] на месте [ф]: [м'ил'иард'ў] (*миллиардов*), [пр^цэнт'ў] (*процентов*), [к'ъл'икт'иў] (*коллектив*), [п^крóуск'ийь] (*Покровская*) и т.д. Наблюдается также произнесение звука [ў] на месте [в] в середине слова, обусловленное тем, что в белорусском языке согласный [в] во всех позициях (кроме позиции перед гласным) произносится как [ў]: [пр^ўд'ив'ьст'] (*правдивость*), [зд^рóу'ийь] (*здоровья*), [лсн^ўн'ийь] (*основные*), [н^праў'льны] (*направлены*) и т.д. Кроме того, на месте русского предлога *в* под влиянием белорусского языка, в котором ему соответствует предлог *у*, в позиции после гласного также может произноситься звук [ў]: [мы ў_эт'ьм у^д'у] (*мы в этом году*), [ў_п'ьт'ид'ис'атыйь] (*в пятидесятые*). Собранный нами материал показал, что 9% респондентов регулярно произносят в русской публичной речи белорусский звук [ў].

Различием между русским и белорусским языками в корреляции согласных по глухости / звонкости объясняется и произношение звука [х] вместо [к] в тех случаях, когда происходит оглушение [г]: [итóх] (*итог*), [сн'эх] (*снег*), [услóх] (*услуг*), [н^лóх] (*налог*) и т.д. Данная интерференция встречается у 6 респондентов, что составляет 6% от их общего числа.

Таблица

Фонетическая интерференция в устной публичной речи жителей города Витебска

Русско-белорусские фонетические соответствия		Примеры фонетической интерференции в русской устной публичной речи респондентов	Количество респондентов, с данным видом интерференции	
Русский язык	Белорусский язык		Человек	%

[г] – [г']	[γ] – [γ']	[н^ура́ду] (<i>награду</i>)	30	30
[ч']	[ч]	[тыс'ьчы] (<i>тысячи</i>)	10	10
[ш']	[ш]	[пл^ш'аткь] (<i>площадка</i>)	8	8
[р] – [р']	[р]	[трох] (<i>трех</i>)	3	3
[в] – [ф]	[в] – [ў]	[пр^цэнт'ў] (<i>процентов</i>)	9	9
[г] – [к]	[γ] – [х]	[н^лох] (<i>налог</i>)	6	6

Необходимо отметить, что из ста проанализированных нами фрагментов телеинтервью в 33 случаях была выявлена фонетическая интерференция, что соответственно составляет 33% от общего числа респондентов. Наиболее часто встречающимся случаем является подмена смычного согласного [г] фрикативным [γ].

Результаты нашего исследования обобщенно представлены в табл.

Заключение. Таким образом, результаты нашего исследования служат подтверждением мнения о том, что с телеэкрана очень часто звучит «интерферированная речь» [11], а также привлекают внимание к проблеме уровня речевой культуры двуязычных граждан Беларуси.

Можно утверждать, что публичная речь в условиях близкородственного двуязычия имеет свою специфику, то есть осложнена интерференцией. Приведенный материал иллюстрирует наиболее распространённые и очевидные виды фонетической интерференции в русской публичной речи жителей города Витебска. Безусловно, дальнейшее исследование позволит выявить и другие особенности УПР в условиях двуязычия.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы на занятиях по культуре речи, а также при ведении курса сопоставительной грамматики русского и белорусского языков.

Литература

- Карлинский, А.Е. Основы теории взаимодействия языков / А.Е. Карлинский. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – 181 с.
- Вайнрайх, У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. – Киев: Вища школа, 1979. – 263 с.
- Розенцвейг, В.Ю. Языковые контакты / В.Ю. Розенцвейг. – Л.: Наука, 1972. – 78 с.
- Дешериев, Ю.Д. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия / Ю.Д. Дешериев, И.Ф. Протченко // Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. ст. / под ред. Ю.Д. Дешериева. – М.: Наука, 1972. – С. 26–42.
- Аврорин, В.А. Двуязычие и школа / В.А. Аврорин // Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. ст. / под ред. Ю.Д. Дешериева. – М.: Наука, 1972. – С. 49–62.
- Русский язык в Белоруссии / А.Е. Михневич [и др.]; под общ. ред. А.Е. Михневича. – Минск: Наука и техника, 1985. – 272 с.
- Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси. – Минск: Беларус. навука, 1999. – 246 с.
- Чумак, Л.Н. К типологии билингвизма в Беларуси в нач. XXI в. / Л.Н. Чумак // Язык и социум: материалы V Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 дек. 2002 г.: в 2 ч. / под общ. ред. Л.Н. Чумака. – Минск: РИВШ, 2003. – Ч. 1. – С. 86–91.
- Лаптева, О.А. Современная русская публичная речь в свете теории стиля / О.А. Лаптева // ВЯ. – 1978. – № 1. – С. 18–37.
- Земская, Е.А. Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? / Е.А. Земская, Е.Н. Ширяев // ВЯ. – 1980. – № 2. – С. 61–72.
- Выгонная, Л.М. Устная речь в свете современной лингвистической ситуации в Беларуси / Л.М. Выгонная, Н.С. Евчик // Язык и социум: материалы VIII Междунар. науч. конф., Минск, 5–6 дек. 2008 г.: в 2 ч. / под общ. ред. Л.Н. Чумака. – Минск: РИВШ, 2009. – Ч. 1. – С. 147–149.
- Жлуктенко, Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия / Ю.А. Жлуктенко. – Киев: Вища школа, 1974. – 176 с.

Поступила в редакцию 31.08.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.